

вечерних занятий трижды пытался поступать в Мухинское училище (*Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица — ред.*), но неудачно. Поступить было сложно. Я решил, что хватит испытывать судьбу. Но это мне дало возможность интенсивно готовиться и рисовать.

В 1986 году я показал свои работы в Центральном выставочном зале выставочному комитету, и у меня взяли пару этюдов. С тех пор я стал участвовать в выставках. Раза три-четыре подавал заявление в Союз художников, в итоге в 2005 году меня приняли.

? А по каким причинам отказывали?

— Да они не объясняют. Там много-ступенчатая система: сначала местная секция живописи должна тебя утвердить, потом — местное правление союза, потом — в Москве секция живописи, а потом — секретариат Союза художников России. Мне чётко сказали: «Ты даже не пытайся свою абстракцию приносить — покажи нормальные реалистические вещи, и всё будет нормально». Ну, я и показал натюрморты, пейзажи.

? Зачем вообще художнику нужен союз?

— Раньше это была единственная официальная организация художников в стране, у неё была финансовая база, мастерские, профессиональные творческие дачи. Кроме того, это статус: если тебя приняли, ты уже можешь считаться художником (*смеётся*)...

Но самое главное всё-таки — мастерская. При советской власти построили 40 мастерских, плюс есть ещё несколько раскиданных по городу помещений, муниципалитет сдаёт их художникам в безвозмездное пользование.

Сейчас и покупатели, и галеристы мало интересуются образованием художника, его членством в союзе. Их интересует прежде всего предмет искусства, а эта статусность уже утратила своё значение.

? А как вы начали преподавать в студии? Это ведь было ещё в то время, когда вы учились в вечерней школе.

— После трёх лет отработки на заводе я ушёл работать в ДК им. Гагарина худруком. Я понял, что завод — совершенно не моё. Честно говоря, я ещё в институте это понял, хотя учился хорошо и защитил диплом на пятёрку. Пока работал на заводе, постоянно занимался какими-то агитбригадами, концертами... И при первой же возможности оттуда ушёл. Это были 1970-е, годы застоя. Я оставил работу худруком

ЕСЛИ ЕСТЬ КАКИЕ-ТО СОВПАДЕНИЯ В ОЩУЩЕНИЯХ С ЧЕЛОВЕКОМ, ЭТО ПРОСТО ПОДТВЕРЖДАЕТ, ЧТО Я НЕ ОДИНОК В СВОИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ОБ ЭТОМ МИРЕ

(всё-таки административная деятельность — не моё) и ушёл в студию в том же ДК им. Гагарина. Сначала работал с детьми и взрослыми, даже пару лет в художественной школе преподавал, а потом сосредоточился только на взрослых и своей работе. Сейчас у меня относительный баланс: четыре дня в неделю — в студии, в остальное время стараюсь быть в мастерской.

? Как вам самому помогло получение образования в художественной школе? Насколько оно вообще необходимо художнику?

— В школе не было такого дотошного, предметного, настойчивого академического образования, преподаватели менялись. Но, во всяком случае, я стал более адекватно относиться к живописи, это было уже не просто интуитивное любительство. И потом, это же инструментарий. Без элементарной техники всё равно сложно — она либо должна выработаться у тебя со временем, либо ты должен где-то поучиться.

? А вы знаете пермских художников, которые нигде не учились?

— Ну... Что-то не знаю таких. Тут недавно ко мне приходил Анатолий Краев,

принёс охапку гуашей. Абсолютно «наивные» вещи, но очень эмоциональные и выразительные. Я ему сказал: «Иди в Музей наивного искусства. Он сходил и звонит, рассказывает, что у него выставка на ул. Газеты «Звезда», 5 (*Центр современного искусства — ред.*), а потом эта выставка поедет в Москву.

? Таких, как он, в союз художников, наверное, не берут?

— Не-е-е, бесполезно. В принципе, это довольно консервативная организация. Она стоит всё-таки на рельсах реалистического искусства. Те, кто бывал за границей, знают, что там абстрактный экспрессионизм — это общее место, он не является чем-то из ряда вон, а у нас по-прежнему на него косо смотрят.

? Глядя на ваши абстракции, люди спрашивают, что вы хотели этим сказать?

— Конечно, это общее место.

? И как вы реагируете?

— Да как на это можно реагировать... Художников абстрактного направления интересует просто реальность как явление, они стремятся постичь сущность этого мира и человека как существа, не в приложении его к социуму. Если зритель — человек, для которого социальный мир является конечным, если он не может преодолеть видимый мир, то не может и свободно общаться с произведениями искусства, абстрактной живописью, сложной музыкой. Потому что человек ждёт знакомой информации, и через узнавание он, как ему кажется, постигает. А тут ему предлагают чистый импульс, средства выразительности без предметности.

? Важна ли вам вообще реакция зрителя? Важно ли знать, как реагируют на то, что вы делаете?

— Ну... Если, например, я сам убеждён, что у меня что-то получилось, что бывает редко (*смеётся*), если в работе в мастерской мелькает что-то для меня ценное, мне уже по большому счёту этого достаточно, зритель тут уже ничего прибавить не может, только разделить, например, со мной это. Если есть